

*Soda
Press*

SUJATA MASSEY

**THE MISTRESS
OF BHATIA
HOUSE**

PERVEEN MISTRY
BOOK 4

СУДЖАТА МАССИ

ХОЗЯЙКА ДОМА БХАТИЯ

ПЕРВИЮМИСТРИ
КНИГА 4

*Перевод
Александры Глебовской*

SODA PRESS
Москва, 2026

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)-44
М32

THE MISTRESS OF BHATIA HOUSE
by Sujata Massey

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

М32 Масси, Суджата.
Хозяйка дома Бхатия / Суджата Масси ; пер. с англ. А. Глебовской. — Москва : Soda Press ; Эксмо, 2026. — 512 с.

ISBN 978-5-04-228799-2

Бомбей, 1922 год. Первин Мистри ведет юридическую практику в городе, где женщины почти лишены доступа к медицине, а предрассудки и социальное неравенство царят повсюду. На благотворительном вечере в поддержку нового женского госпиталя Первин становится свидетельницей трагедии: на ребенке загорается одежда, и его няня, молодая служанка Сунанда, пытается его спасти. Однако вскоре девушку обвиняют в поджоге по словам таинственного свидетеля, которого никто не может найти.

Ситуация осложняется, когда главный спонсор госпиталя неожиданно погибает — подозрения падают на Сунанду и женщину-врача Мириам Пенкар. Расследование уводит Первин в сердце Бомбея, но вспыхнувшая посреди ночи летняя кухня Мистри-хауса дает понять: на кону не только свобода Сунанды, но и безопасность самой Первин и ее близких.

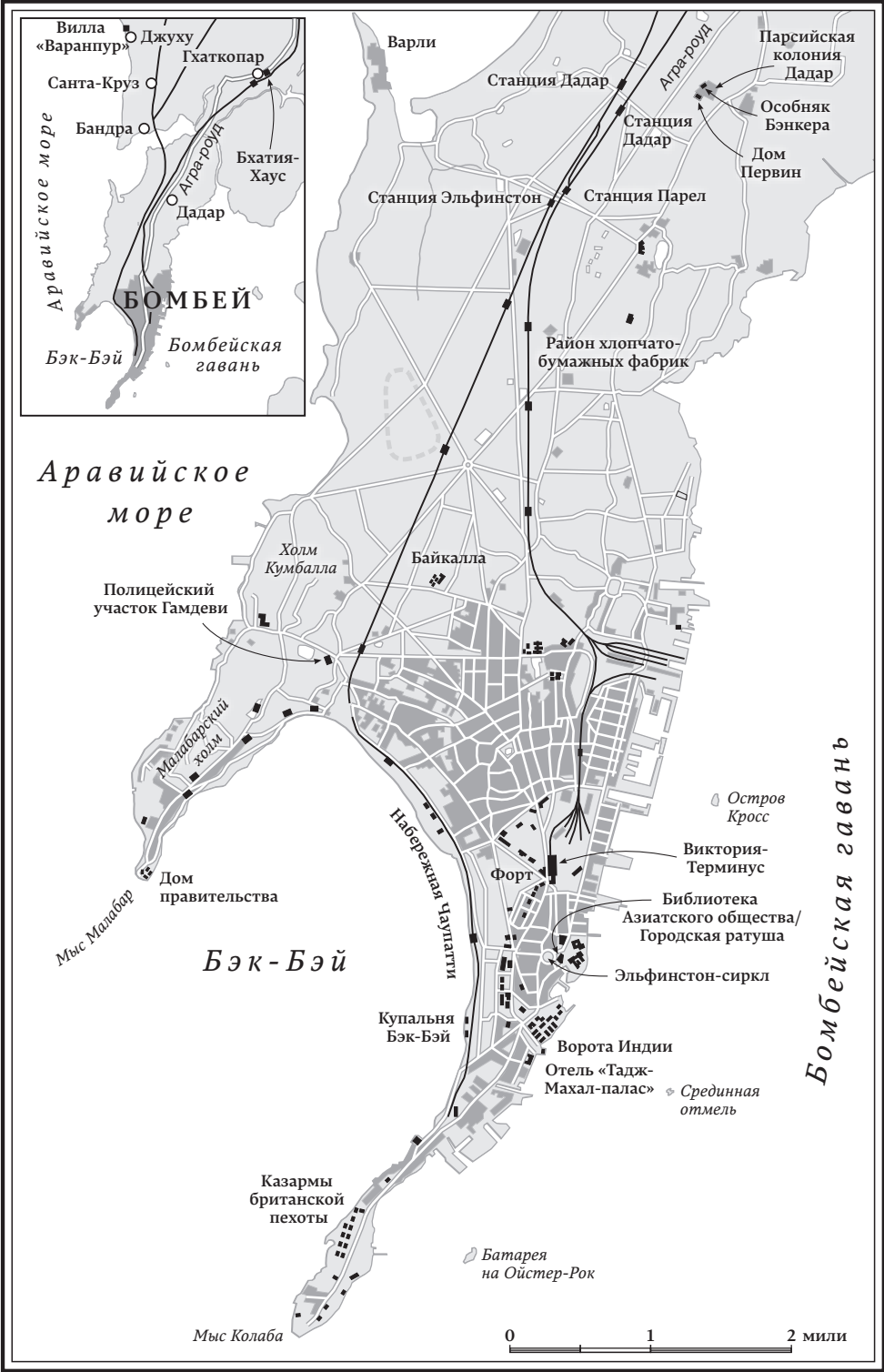
УДК 821.111
ББК 84(7Coe)-44

Copyright © 2023 by Sujata Massey
Cover illustration © Andrew Davidson, 2025
Map illustration © Philip Schwartzberg
© А. Глебовская, перевод на русский язык, 2025
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-228799-2

Soda Press

*Посвящается Манджу Парих и всем женщинам-визионеркам,
которые продолжают бороться за социальную справедливость*

Полицейский участок Гамдеви 1/4 мили

Грант-роуд

Клиника сэра Джи-Джи

Резервуар Бабула

Фолгенд-роуд

Верхняя Дункан-роуд

Паралл-роуд

Орскин-роуд

Резервуар-роуд

Аргайл-роуд

Фрир-роуд

Док принца

GERGAON

МАНДВИ

Станция Чарни

Резервуар Мумбадеви

КАЛЬБАДЕВИ

РЫНОК

Мусжид-Бандар

Дом и клиника доктора Пенкар

Синагога Шаар-а-Рахамим

Док Виктории

Каменоломни Бхатия

Дом Чавда

Рынок Кроуфорд

Улица Донлар-и-Кули

Старая Квай-стрит

Самуэль-стрит

Гавань Карнак

Станция Марин-Лайнс

Кузнечная улица

Карнак-роуд

Больница Камы

Виктория-Терминус

Главное полицейское управление

Док Александры

ЭСПЛАДА

Улица Фрир-роуд

Лечебница доктора Темуджи

Набережная Кеннеди

Крукшэнк-роуд

Хорнби-роуд

Док Александры

Бомбейская гавань

Станция Черч-гейт

Дом Колина

Пекарня Яздани

Монетный двор

Библиотека Азиатского общества/Городская ратуша

Бэк-Бэй

Улица Черч-гейт

Аллея Басингов

Библиотека Сэссуна

Крепость

Эльфинстон-сиркл

Верховный суд

Секретариат

Колледж Эльфинстон

Колледж Эльфинстон

Мистри-Хаус

Клуб «Рипон»

Дом правительства

Доки

Бомбейский королевский яхт-клуб

Ворота Индии

Отель «Тадж-Махал-палас»

0 1/4 1/2 мили

ПРОЛОГ

ЧЕТВЕРГ, 1 ИЮНЯ 1922 ГОДА

Между сестрами случаются ссоры.

И неважно, выросли ли они вместе или породнились, превратившись в золовку и невестку. Причиной ссоры может стать спор о том, у кого сари красивее, кто себе что купил, кого больше любят родители. Такие размолвки, неизменно заканчивающиеся примирением, столь же естественны, сколь и тягостный летний зной, который рано или поздно смывают муссоны.

Ошади отвлекала себя мыслями о погоде. Даже в тихом Гхаткопаре, в пятнадцати километрах к северу от Бомбея, в воздухе висела удушающая сырость. До дождей осталось всего несколько недель — как обидно, что они не подождали с этим своим торжественным чаепитием до первых дней муссона, когда капли так весело пляшут в воздухе. Перемена погоды наверняка восстановила бы хоть какую-то гармонию в отношениях Умы и Мангалы Бхатия.

Ошади медленно шагала в сторону Бхатия-Хауса; погрозила палкой бездомным псам, сбившимся в стаю на пустыре по другую сторону улицы: они дожидались корма, который им каждый день выносило состоятельное семей-

ство джайнов*. Ошади бы никогда не позволила собакам бродить поблизости от Бхатия-Хауса: она проработала там дольше всех остальных и прекрасно знала значение слова «охранять».

Когда десять лет тому назад скончалась жена сэра Дварканатха, его старшая невестка Ума повысила Ошади до должности домоправительницы, начальницы над шестью служанками, работавшими в Бхатия-Хаусе. Ошади была ей за это благодарна, вот только теперь Ума-бхабху** давала ей множество поручений, не имевших никакого отношения к ее основным обязанностям. Сегодня Ошади отправили по магазинам — докупить свеч для многочисленных фонариков, расставленных во дворе. Прежде чем нашлось нужное, Ошади пришлось заглянуть в три лавки.

Ошади брела, прихрамывая, по посыпанной гравием подъездной дорожке, и тут тощая бурая сука с отвисшими сосками, поскуливая, подошла ближе. Ошади в очередной раз взмахнула палкой, собака отскочила, вернулась к остальным.

Ошади знала, что дурван***, охраняющий Бхатия-Хаус, боится собак: он никак не реагировал, даже когда они проникали на территорию. А нынче вечером он еще и был занят — драил свою будку и украшал ее цветами гибискуса из сада. Все ради приема, который затеяла Ума: гости уже заезжали в парк в наемных экипажах, кто-то и на личных автомобилях. Ошади слышала, как женщины восхищенно ахали при виде просторного охристого бунгало из извест-

* Джайны — последователи джайнизма, индийского религиозно-философского учения, возникшего в VI-V вв. до н. э., для которого характерны аскетизм и трепетное отношение ко всему живому.

** Бхабху у гуджаратов — старшая невестка, жена старшего сына.

*** Дурван — сторож в доме или в общественном месте.

няка, обнесенного двухуровневыми верандами. Благодаря изразцам на фронтонах и высоким окнам со ставнями дом казался еще более впечатляющим.

Некоторые из тех, что прибыли пораньше, — дамы-гуджарати из числа соседок — шли за Ошади следом, переговариваясь.

— Мой муж если и жертвует, то только в храм, — негромко поведала одна из дам своей спутнице. — Так я решила отдать свой набор золотых браслетов.

— Великолепное пожертвование, — заметила ее приятельница. — А я привезла десять рупий.

— Тебе муж позволил столько пожертвовать? — Голос первой понизился до шепота.

— Куда там! Я у матери попросила!

Дамам, видимо, надоела медлительность Ошади, они протолкнулись мимо и, хихикая, устремились во двор, шурша плотным шелком своих сари.

На веранде первого этажа стояли сэр Дварканатх Бхатия и его старший сын Парвеш; они наблюдали за приездом гостей.

Ошади остановилась у входа для прислуги, чтобы слышать хоть обрывок их разговора. Уме-бхабху полезно будет знать, в каком настроении ее свекор.

— А чего это вы понаставили во дворе? Столько подушек — можно подумать, гости сюда спать приехали! — возмущался сэр Дварканатх.

— Мы ждем более пятидесяти дам. Им должно быть удобно. — Судя по голосу, Парвеш волновался.

— Хочешь сказать, дамам нужно умягчение под их тощие куллы? — Сэр Дварканатх использовал вульгарное обозначение седалища.

Парвеш нервно хихикнул.

— Бапуджи*, не забывай, многие дамы совсем рядом. И могут тебя услышать.

— Вся эта тамаша** — только бабам потешиться, — проворчал сэр Дварканатх. — Я с этим вожусь только в память о твоей матери.

— Да. Ума занимается больницей по той же причине. — Парвеш подыгрывал отцу — как и все остальные.

Ошади поспешила в дом, ей хотелось хоть немного передохнуть в помещении для слуг, расположенном рядом с кухней. В семье было четверо поваров, все из браминов. Ошади принадлежала к более низкой касте, поэтому ей нельзя было заходить на кухню, но она негромко окликнула Аакера, одного из младших поваров, и он тут же подошел к ней.

— Вот свечки для торта. Остальные Пратип пусть вставит в фонари и зажжет в сумерках, — распорядилась она, повторяя инструкции Умы.

Аакер поморщился:

— Мангала-бхабхи*** велела их зажечь прямо сейчас. В сумерках очень много будет народу, зажигать трудно.

Ошади не понравилась мысль зажигать свечи заранее. Лишний жар, а еще чем дольше они будут гореть, тем выше риск возникновения пожара.

— Ума-бхабху согласилась?

— Этого я не знаю.

Ничего, Ошади скоро все выяснит. Она попросила Аакера принести ей стакан воды. Опустившись на табуретку, которой, как знали все в доме, дозволялось пользоваться

* Бапуджи — обращение к свекру.

** Тамаша — традиционная форма театра, часто с пением и танцами, аналог рыночного представления или балагана; слово также употребляется в значении «потеха, развлечение».

*** Бхабхи — невестка, жена брата.

лишь ей одной, она утолила жажду. Освежившись, поставила стакан у дверей в кухню и снова вышла во двор.

Гостей уже прибыло много — выйти напрямик во двор Ошади не удалось, пришлось стоять в очереди вместе с остальными. Прямо перед нею оказалась занятая дама: в воздушном сари из бледно-желтого шифона, с массивным коричневым портфелем, больше подходящим мужчинам.

— Добрый день. Вы госпожа Бхатия? — спросила незнакомка у Мангалы-бхабхи, которая сидела за небольшим столиком у входа во двор.

— Да. Если вы принесли пожертвование наличными, пожалуйста, пересчитайте деньги в моем присутствии. — Голос Мангалы-бхабхи звучал сурово, как будто она говорила с кем-то из детей родни.

Посетительница подняла клапан своего портфеля — действительно мужского, с изумлением отметила Ошади. Вытащила конверт, положила его перед Мангалой-бхабхи. Зашуршала купюрами.

— Пятьдесят одна рупия. Это от Гюльназ. Она желает вам всяческих благ и благодарит за недавнее посещение в больнице...

— Я к ней не ходила. Вы, видимо, имеете в виду мою невестку Уму. — Судя по недовольству на угрюмом лице Мангалы, ее эта путаница рассердила. — Пожалуйста, проходите во двор.

— Прощу меня простить за ошибку. Могу я узнать ваше имя? Меня зовут Первин. Первин Мистри.

— Я Мангала Бхатия. Казначей больничного комитета.

— Вы не будете так любезны указать мне на Уму? — не сдавалась гостья. — Не хочется еще раз выставить себя на посмешище! Если, конечно, вас это не затрудит.

Мангала качнула головой:

— Я занята, принимаю пожертвования. Заходите, и как увидите даму в розовом сари — это Ума.

Первин Мистри прошла дальше, а Мангала хмуро взглянула на Ошади:

— А ты что делаешь среди почтенной публики? Пытаешься завести друзей — или вытащить деньги из чужого кошелька?

— Я нужна Уме-бхабху. — Ошади говорила безыскусно, зная, что Мангалу не задобришь никакой лестью и подобострастием. Обвинение в воровстве сильно ее задело — Мангала знала не хуже других, что Ошади, прослужив в доме сорок лет, не присвоила даже спички.

— Хорошо. Когда бхабху что-то нужно, уж она это получит.

«Не всегда», — подумала Ошади.

1

ЧАЙ

И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

От первой встречи с Мангалой Бхатия у Первин осталось ощущение, будто ее прогнали сквозь строй. Та с раздражением реагировала на каждое слово. Тем не менее Первин смогла прорваться в красивый, выстланный камнем двор, наполовину заполненный дамами в летних сари пастельных цветов. Оттенков розового тут было множество — да, очень мило, но это затрудняло поиски Умы Бхатия.

А совсем скоро разыскивать хозяйку будет уже поздно — все сядут слушать речь. На земле разложили тонкие матрасики, чтобы на них сидеть, перед ними стояли деревянные подносы на ножках. На каждом красовались подставка из банановых листьев, медный кувшин для воды и неожиданно простая глиняная чашка. В бомбейском обществе в большом ходу были европейский фарфор, серебро и мебель, и Первин это отклонение от моды показалось своеобразным и в своем роде очаровательным.

Первин обвела двор взглядом. Она ни разу еще не бывала в Гхаткопаре и сообразила, что среди гостей преобладают местные жители. Больницу, строительство которой собиралась профинансировать Ума Бхатия, решено было построить в Бомбее, поэтому Первин рассчитывала увидеть здесь и знакомые лица. Однако из всех присутствовавших